

ПОЭТИКА ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ И ФОРМ В ЛИРИКЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

(статья первая)

*О.О. СКОРОБОГАТОВА. ПОЭТИКА ІМЕННИХ КАТЕГОРІЙ І ФОРМ В ЛІРИЦІ
ЙОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА*

Перша з циклу статей, що присвячені поетичній морфології та морфологічній поетиці Й. Мандельштама. В ній розглянуто поетичні способи актуалізації категорій числа і роду. Виокремлюються характерні поетичні смисли, підґрунтям яких є семантика морфологічних категорій та особливості граматичної селекції митця.

Ключові слова: ідіостиль, Мандельштам, поетична грамати́ка, граматична категорія, поетика, граматична домінанта, число, рід.

*Е.А. СКОРОБОГАТОВА. ПОЭТИКА ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ И ФОРМ В ЛИРИКЕ
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА*

Первая из цикла статей, посвященных поэтической морфологии и морфологической поэтике Осипа Мандельштама, рассматривает поэтические способы актуализации категорий числа и рода. Выявляются характерные для лирики Мандельштама поэтические смыслы, основанные на семантике морфологических категорий и особенностях грамматической селекциии.

Ключевые слова: идиостиль, Мандельштам, поэтическая грамматика, грамматическая категория, поэтика, грамматическая доминанта, число, род.

O. O. SKOROBOGATOVA. POETICS OF NOUN CATEGORIES AND FORMS IN THE LYRICS OF OSIP MANDELSTAM.

The first one of a series of articles devoted to the poetic morphology and morphological poetics of Osip Mandelstam considers poetic ways of actualization of categories of number and gender. Poetic senses that are characteristic of Osip Mandelstam's lyrics and based on the semantics of morphological categories and peculiarities of grammatical selection are determined.

Key words: individual style, Mandelstam, poetical grammar, grammatical category, poetics, grammatical dominant, number, gender.

Выявление связи «поэтического языка с мировоззрением поэта» [8, с. 2] является одной из задач морфологической лингвопоэтики в ракурсе поэтической эвристики. Вектор лингвистического описания при этом может быть различным: от специфики грамматических категорий и форм к описанию особенностей идиостиля и от особенностей поэтики автора к выявлению специфики поэтического языка. В рамках данной статьи представлено сочетание подходов: мы решаем задачу выявления особенностей морфологии идиостиля Осипа Мандельштама на фоне закономерностей морфологического уровня русского поэтического языка и анализируем поэтику морфологически отмеченных произведений. Изучение морфологического уровня поэзии Мандельштама представляется актуальным и продуктивным, ибо эта поэзия «логоцентрична, концептуализация мира в ней начинается уже на уровне слов, грамматики, в ряде случаев – фонетики» [12, с. 5].

Остановимся на характерной для русской поэзии морфологической селекцией по категории числа. У Мандельштама, как и у некоторых других поэтов первой половины XX века (А. Блока, Г. Иванова), числовая селекция представлена широко: сингулярными и плюральными рядами, строфами, сингулярными стихотворениями, активным использованием сингулярных форм для обозначения парных или многосоставных объектов и текстами, в которых противопоставлены сингулярные и плюральные фрагменты.

В русской поэзии нового и новейшего времени выделен значительный корпус стихотворений со сплошной сингулярной доминантой и менее обширный корпус плюральных лирических произведений [13, с. 377-379].

Сингулярный лирический текст имеет свою специфику. Во-первых, доминанта единственного числа ощущается читателем только в том случае, если она сплошная. Во-вторых, особенностью поэтики сингулярных стихотворений, основанных на числовой се-

лекции, в русской поэзии является то, что они обычно связаны с мотивом одиночества.

В лирике Осипа Мандельштама нами выделен ряд стихотворений, созданных только с помощью граммем единственного числа:

«Звук осторожный и глухой...», «О, небо, небо, ты мне будешь сниться!..», «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Здесь я стою – я не могу иначе...», «Бесшумное веретено...», «Душный сумрак кроет ложе...», «Где вырывается из плена...», «Тысячеструйный поток...», «Какая вещая Кассандра...», «Мадригал» («Дочь Андроника Комнена...»), «Армения» (10.«Какая роскошь в нищенском селеньи...»), «Помоги, Господь, эту ночь прожить...», «Как женственное серебро горит...», «Как землю где-нибудь небесный камень будит...». Они создавались поэтом на протяжении всей жизни: первые входят в сборник «Камень», последние датируются 1937 годом и написаны за несколько месяцев до ареста и гибели. Эти лирические произведения имеют сходное грамматическое устройство, хотя посвящены разным моментам поэтического осмысления мира. Семантика форм единственного числа диалектична. Существительное, взятое в единственном числе, осуществляет в себе связь единичного с общим» [7, с. 101]. Эта диалектическая сущность категории числа является, на наш взгляд, тем основополагающим свойством, на котором базируются семантические и экспрессивные возможности сочетаний граммем единственного числа в лирике, ибо поэзия есть художественная форма, способная представлять индивидуальное как всеобщее.

Одно из первых сингулярных стихотворений Осипа Мандельштама «Звук осторожный и глухой...» носит медитативный характер. «О, небо, небо, ты мне будешь сниться!..» посвящено экзистенциальному осмыслению мира: поэт, «влюбленно принимающий мир и в то же время переживающий свое отчуждение, пишет, продолжая «качаться» между крайними стихиями бытия, пронзительные, смиренные строки о смерти» [5, с. 308]. Многие строки о смерти этого периода – это строки сингулярных стихотворений, например:

*И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла.*

Хотя в этот период поэт часто создает произведения, описывающие чувство «игры», «духовного веселья» и «удивления» [5, с. 290], общая тональность всех сингулярных стихотворений трагически метафизична. Поэт, пытаясь осмыслить существование человека, ощущает страх, тревогу, одиночество [1, с. 220-221], однако «...именно через оставленность, через роковые предчувствия и

опустошенность поэт (...) обретает сакральное для него» [5, с. 290].

Стихотворение «Образ твой, мучительный и зыбкий...» С.С. Аверинцев называет «странным». «Зачин описывает негативно характеризующее психологическое состояние», сменяющееся «катастрофой» [1, с. 220-221]. Характерный для Мандельштама «протест против инфляции священных слов» [там же, с. 219] находит поэтическое выражение не только в развитии лирического сюжета, но и в грамматическом отборе: оставленность и одиночество, «урон и убыль» переданы традиционным для русской поэзии способом сингулярного отбора.

В сингулярном стихотворении «Бесшумное веретено...» встречаем общий в европейской культурной традиции образ судьбы-веретена. Веретено личной судьбы здесь и трагическая предопределенность в стихотворении «Какая вещая Кассандра...», написанном в 1915 году, передают предощущение гибели отдельного человека и многих людей.

Стихотворение «Тысячеструйный поток...», на первый взгляд, «выбивается» из общей тональности одночисловых стихотворений, ибо поэт описывает весну. Но колыской, которую видит лирический герой, правит одетая в *траурный шелк* женщина. В стихотворении «Мадригал» («Дочь Андроника Комнена...») звучит просьба о помощи *превозмочь ... пышность тлена*.

Одно из самых мощных и самых страшных сингулярных стихотворений Мандельштама – стихотворение «Помоги, Господь, эту жизнь прожить...»:

*Помоги, Господь, эту жизнь прожить,
Я за жизнь боюсь – за твою рабу...*

В Петербурге жить – словно спать в гробу.

В каждой строке слово с корнем *жи-*: *жизнь, жизнь, жить*. Повтор выполняет функцию заклинания (см. о заклинательном значении повелительного наклонения и повторении заклинательной формулы в лирике XX века: [9, с. 125]). Сингулярность подчеркивает экзистенциальный ужас, который поэт пытается преодолеть повторением формулы жизни. Особое лирическое событие (термин Л.Я. Гинзбург – «уникальный душевный опыт, ставший тем общим опытом, в котором многие узнают себя» [4, с. 216]), характерное для поэтики О. Мандельштама, находит морфологическую поддержку в материи стиха.

И наконец, последнее из известных стихотворений О. Мандельштама с сингулярной доминантой «Как землю где-нибудь небесный камень будит...»

*Как землю где-нибудь небесный камень будит,
Упал опальный стих, не знающий отца:*

*Неумолимое – находка для творца –
Не может быть другим – никто его не судит.*

Оно написано 20 января 1937 года. В нем звучит «сквозная тема Мандельштама, обеспечивающая единство его творчеству от начала до конца», «это клятва на верность началу истории как принципу творческого спора, поступка, выбора» [1, с. 271]. Автор объясняет неизбежность рождения *опального стиха* и ожидающего самого поэта *неумолимого*. Сингулярная селекция подчеркивает неизбежность происходящего в жизни поэта. Поэтическая непреложность исторического и художественного созидания *Упал опальный стих* связана на общепозитическом уровне с идеей одиночества творца.

Одиночество сингулярных стихотворений Осипа Мандельштама – это экзистенциальное одиночество исторической необходимости и добровольной подчиненности этой необходимости поэта-творца.

Не менее выразительны лирические произведения, основанные на грамматическом противопоставлении сингулярных и плюральных фрагментов. Один из ярких примеров – стихотворение «Сусальным золотом горят...», написанное в 1908 году, другой – тоже раннее стихотворение «В спокойных пригородах снег...». В этих небольших поэтических зарисовках мир лирического героя представлен как сингулярный, внешний мир является плюральным.

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.*

*О, вещь моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!*

Первая строфа плюральная (кроме первых двух слов, но стих заканчивается *горят*, поэтому воспринимается как плюральный), вторая сингулярная. Сингулярный фрагмент ориентирован на внутренний мир человека, плюральный – на внешний мир.

*В спокойных пригородах снег
Сгребают дворники лопатами;
Я с мужиками бородами
Иду, прохожий человек.*

*Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шалые,
И самоваров розы алые
Горят в трактирах и домах.*

Я, свобода, небосвод, печаль, снег – единственное число, *волки, дворники, мужички* – множественное. Поэт делает попытку

установить равновесие между этими мирами: *Я с мужиками бородами Иду, прохожий человек...* Мнимость этой совместности проявляется на грамматическом уровне.

Этот же принцип грамматико-смысловой оппозиции – лирический герой (сингулярность) / внешний мир (плюральность) – сохраняется в лирике последующих периодов.

На общем фоне выделяется стихотворение «Бежит волна – волной волне хребет ломая...», которое написано в 1935 году и в котором сингулярный и плюральный фрагменты не столько противопоставляются, сколько «поддерживают» друг друга. Оно начинается сингулярным фрагментом, описывающим *янычарскую пучину* 30-х годов. По наблюдениям Ю.И. Левина, «водная стихия – действующее лицо первой строфы – характеризуется бессмысленной жесткостью (...), характеристики эти не только антропоморфны – что достаточно обычно для лирики – но и имеют отчетливый социально-нравственный оттенок» [10, с.46]. Сингулярный фрагмент описывает мечущуюся столицу, он сменяется плюральным, рисующим мир *султанов* и *солдат*, мир насилия:

*А с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты,
И яд разносят хладные скопцы.*

Чудовищность «многофигурного» мира насилия и *невольничья тоска* звучат в этом стихотворении. «Время было апокалиптическое. Беда ходила по пятам за всеми нами» [2, с. 26], – пишет об этих днях Анна Ахматова.

Мандельштам активно использует еще один прием числовой грамматической селекции: регулярную номинацию парных и многосоставных объектов словоформами единственного числа. Этот прием как маркер индивидуального стиля представлен в небольшом поэтическом ряду, среди русских поэтов XIX – XXI веков его активно применяют М. Лермонтов, О. Мандельштам и И. Бродский.

В поэзии Мандельштама мы встречаем сингулярные формы, передающие значение, подменяющее значение двойственности или множественности, в таких фрагментах: *Обула Сафо пестрый сапожок; Амур, печальный и нагой, Своей младенческой ногой Переступает, удивленный...; Клубящаяся стынет пена, Как лебединое крыло...; Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...; Он с Моцартом в Москве души не чаёт – За карий глаз, за воробьиный хмель...; Преодолев затверженность природы, Голуботвердый глаз проник в ее закон...; Срок счастья был короче, Чем взмах ресницы...; На звуковых громадах крутые всхо-*

ры Его ступала зрячая стопа...; Кларнетом утренним зазябливает ухо...; Люблю шинель красноармейской складки – Длину до пят, рукав простой и гладкий...; Лишив меня морей, разбега и разлета И дав стопе упор насильственной земли, Чего добились вы?; Зимний день, колючий, как мякина, Так ли жесток в зрачке твоём?..; Оттого все неудачи, Что я вижу перед собой Ростовицкий глаз кошащий...; Твой зрачок в небесной корке...; Лепное, сложное, крутое веко, знать, Работает из миллиона рамок...; ...и бровь, и голова Вместе с глазами полюбовно собраны....

Большинство граммем называет части человеческого тела (*нога, ухо, глаз, ресница, стопа, зрачок, веко*) или соответствующие им детали одежды (*сапожок, рукав*), парную часть тела птицы (*крыло*). В одном случае сингулярная граммема обобщенно называет деталь дома: *И богато искривилась половица – Этой палубы гробовая доска*. (Здесь сингулярная форма *половица* соотнесена с формой *доска*, корреспондирующей с формой во фразеологизме *до гробовой доски*). Грамматическая сингулярность существительных в большинстве случаев поддержана согласованным показателем глагола, прилагательного или местоимения-прилагательного. Поэтическое функционирование имеет общеязыковые корни. Аналогично используются слова *нога, око, зуб* в устойчивых выражениях *ноги моей (его) не будет, видит око да зуб неймет* и под. Поэт расширяет список лексем, выступающих в переносном значении, и активно применяет метонимический перенос и синекдоху. В большинстве случаев сингулярная словоформа создает троп с комплексом («пучком») значений, ибо, по мнению поэта, «любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку». О том, что сингулярное употребление лексем, называющих парные части лица и тела, не случайно, свидетельствуют примеры подчеркнутого нумеративно-собирательного именованья:
В обе стороны он в оба смотрит – в обе!;
И в оба глаза бьет атлантов миг.

(О. Мандельштам. «Мой щегол, я голу закину...»);

И отдышавшийся распахнут кругозор!

Повязку бы на оба глаза.

(О. Мандельштам. «О, этот медленный, одышливый простор!...»).

В некоторых случаях сингулярная форма служит основой метафоры, сравнения или перифразы, тогда форма обусловлена развертыванием тропа:

Твой зрачок в небесной корке...

Омут ока удивленный, –

Кинь его вдогонку мне.

(О. Мандельштам. «Твой зрачок в небесной корке...»).

Здесь *омут ока* – взгляд (ср. фразеологизм *кинуть взгляд*). Возможно, форма единственного числа в этом случае потребовала сингулярности предыдущего сочетания *твой зрачок*.

В стихотворениях нередко встречается параллельное употребление единственного числа для обозначения парной части лица предмета и множественного для обозначения другой парной части лица:

Средь народного шума и сбега,

На вокзалах и на площадях,

Смотрит веко – могучая вежа,

И бровей начинается взмах.

(О. Мандельштам. «Средь народного шума и сбега...»).

Образ *века* очень значим в этом стихотворении. Взгляд, от которого не скрыться, взгляд с кремлевской стены тяжел и неотвратим. Грамматическая сингулярность сменяется в развертывании текста плюральной формой в сочетании *этих глаз*:

И ласкала меня и сверлила

Со стены этих глаз жульба.

Но украинское *жульба* возвращает к сингулярному образу, поддержанному соответствующими глагольными формами (*ласкала, сверлила*). И то, что описание начинается не с *глаз*, а с *века*, то есть того, что глаза закрывает, поэтически не случайно. В следующем стихотворении этого цикла возникает образ *очей земли, братских очей*, плюральный образ, противопоставленный сингулярному *веку*, которое прикрывает сверлящий взгляд:

И в глубине сторожевой ночи

Чернорабочей вспыхнут земли очи

И в легион братских очей сжатый –

Я упаду тяжестью всей жатвы.

(О. Мандельштам. «Если б меня наши враги взяли...»)

Одиночное соположение однокоренных граммем единственного и множественного числа поэт использует крайне редко. И в этом случае соположение передает комплексное значение: и 'один из многих, такой, как многие' и 'один из многих, не такой, как многие':

Что ж! Поднимай удивленные брови,

Ты горожанин и друг горожан...

(О. Мандельштам. «Батюшков»)

Морфологическое числовое объединение-противопоставление усилено деривационным: граммема единственного числа имеет суффикс-сингулятив *-ин*, который подчерки-

вает числовое значение. Двойственность поэтического самоощущения свойственна художнику, она отражает «внутренний конфликт самого Мандельштама, выливающийся у него в темы двойника и двойничества, также уходящие своими корнями в древние мировые культуры с их принципом двоичных противоположностей» [5, с. 310]. В другом случае грамматически сопоставляются конкретное и вещественное значения слова:

*Кто камни нам бросает с высоты –
И камень отрицает его праха?*

(О. Мандельштам. «Паденье – неизменный спутник страха...»).

Поэт активно использует числовой отбор, создавая стихотворения с сингулярной доминантой и стихотворения, организованные оппозицией сингулярных и плюральных фрагментов. Отбор и оппозиция служат грамматической основой поэтических смыслов: мотива одиночества в сингулярных стихах и мотива противопоставления одинокого поэта внешнему разрушительному миру. Числовая селекция также служит основой образной номинации при описании парных и многоэлементных объектов, прием, связывающий поэтику Мандельштама с поэтикой Лермонтова и Бродского.

Использование потенциала категории рода в поэзии Мандельштама в первую очередь связано с актуализацией категориального значения в трехродовых комплексах.

Известно, что временная полнота действий и состояний (полнота бытийности) легко передается с помощью временной глагольной парадигмы. Принципиальное различие глагола и имени лежит в плоскости пространственной и временной локализации. То, что названо именем, располагается в пространстве, то, что названо глаголом, — во времени. «Время организует события, пространство — предметы. Между событиями существуют отношения последовательности, между предметами — взаимного расположения» [2, с. 368]. Категория пространства, в отличие от категории времени, не имеет особой грамматической формы, ее выражающей. Эта категория описывается с помощью категориальных признаков, характеризующих locus либо субъект (объект) в локусе (см., напр.: [6]).

Предметно-понятийная полнота художественного пространства может быть рассмотрена в двух плоскостях: как заполнение всего художественного пространства (в первую очередь, смыслового) различными предметами (понятиями); как заполнение всего

художественного пространства чем-то одним, ввиду значимости последнего.

Значение предметно-понятийной полноты и первого, и второго типа не только может быть передано лексически, но и достигается соположением (при контактной или близкой локализации) в тексте существительных трех родов. Перечислительные ряды, включающие существительные трех родов в значении полноты, частотно представлены в фольклоре, где грамматическая семантика, как правило, играет существенную роль, в паремиях, устойчивых выражениях разных типов: *Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!* Полнота родового грамматического соположения превращает незамкнутый перечислительный ряд в закрытый.

Использование приема передачи полноты описываемого, его значимости с помощью трехродового комплекса имен существительных (иногда поддержанных связанными с ними грамматическими показателями прилагательных и глаголов) в русской поэзии можно считать регулярным: *Полусон, полусознание, Грусть, но без воспоминанья, И всему простит душа.*

(И. Анненский); *Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек!* (В. Лебедев-Кумач); *Природа, видишь ли, живет, не наблюдая, Вполне счастливая, эпох, веков, времен...* (А. Кушнер). В поэзии XX века трехродовые комплексы широко представлены в поэзии многих поэтов, например, П. Антокольского, И. Сельвинского, В. Шаламова, М. Рахлиной. Но поэты этот прием используют по-разному.

У Мандельштама трехродовые комплексы выразительны и разнообразны:

*В изголовьи черное распятые,
В сердце жар и в мыслях пустота...*

(«В изголовьи черное распятые...»);

Что это? пряжа? звук? предупреждение?

(«Армения» 10. «Какая роскошь в нищенском селеньи...»);

Смотришь: небо стало выше –

Новоселье, дом и крыша –

И на улице светло.

(«Шло цепочкой в темноводье...»).

Они представляют трагические и комические наборы, соотнесенные с трагической действительностью, в которой поэт видит то смертельное, то смешное:

Но жертвы не хотят слепые небеса:

Вернее труд и постоянство.

(«Декабрист»).

Жертва, труд и постоянство составляют полнородовой блок. Выбор делает провидение (*слепые небеса*), которому лирический герой подвластен. Иная поэтическая ин-

тонация слышится в шуточном, ироническом наборе в стихотворении «Ариост»:

*Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока...
(«Ариост»).*

Для поэзии Мандельштама характерно как простое линейное развертывание ряда, так и более сложные смысловые цепочки, основанные на онтологическом родстве поэтической номинации, предикации и атрибуции, например:

*Паденье – неизменный спутник страха,
А самый страх есть чувство пустоты.
(«Паденье – неизменный спутник
страха...»).*

Паденье, страх, пустота составляют полнородовой блок благодаря локализации в стиховом единстве. Объединение субстантивов в номинативной, атрибутивной и предикативной функциях подчеркивает синтаксические различия и морфологическое подобие абстрактных имен. И.И. Ковтунова отмечала, что «характеризация предметов и явлений в поэтической речи имеет тенденцию к концентрации на небольших участках текста» [9, с. 146]. Наблюдаем такую концентрацию в приведенном фрагменте, который благодаря построению – архитектуре стиха – емок и лаконичен.

Поэт использует также соположение местоименных родовых форм и местоимения-транспозита с устойчивым родом:

*Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд.*

...
*До того, как еду и питье
Называли «моя» и «мое».*

(О. Мандельштам. «Гончарами велик остров синий...»).

Первое *мое* (*Ты отдай мне мое*) выступает в устойчивом субстантивном значении 'всё, что принадлежит мне', остальные притяжательные местоимения составляют полнородовой блок *мой, моя, мое*.

Разберем два фрагмента с полнородовыми комплексами языковых единиц. Первый – отрывок из раннего стихотворения «Посох»:

*Посох мой – моя свобода –
Сердцевина бытия...*

Первый стих составляют разнородовые единицы, связанные и разделенные знаком тире. Можно рассматривать первое существительное (*посох*) как предмет речи, следующее (*свобода*) как предикат сложного поэтико-синтаксического блока. Либо каждую единицу оценивать как номинативно-предикативную. Ибо здесь происходит «соединение двух названий». «Однопорядковые единицы, они подобны по своей

природе, они – оба названия» [11, с. 25]. Третий член блока *Сердцевина бытия* локализован во втором стихе. С синтаксической точки зрения продолжением номинативного ряда является слово *сердцевина*, но смысловой и интонационно-стиховой акцент падает на существительное *бытия*, и тогда смысловой ряд составляют субстантивы *посох – свобода – бытие*. Ряд называет тему стихотворения и определяет развертывание лирического сюжета. Подобные трехродовые комплексы встречаем в других стихотворениях Мандельштама дореволюционного периода:

*Если явь – Петра созданье,
Медный всадник и гранит.*

(О. Мандельштам. «...Дев полуночных отвага...»).

Второй анализируемый фрагмент из стихотворения «Пою, когда гортань сыра, душа суха...», написанного в феврале 1937 года. Он состоит из двух частей:

*Пою, когда гортань сыра, душа суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание...*

...
*Уже не я пою – поет мое дыханье,
И в горных ножнах слух, и голова глуха...*

Поэтическое самоощущение с необыкновенной силой и в то же время горечью и остротой передано в этих строках. Полнородовой блок в первом случае составляет комплекс однородно соподчиненных придаточных (*когда гортань сыра, душа суха, И в меру влажен взор, и не хитрит сознание*), во втором – ряд предикативных единиц, объединенных бессоюзной связью (*поет мое дыханье, И в горных ножнах слух, и голова глуха*) и противопоставленных в рамках полипредикативного предложения его первой предикативной единице (*Уже не я пою*). «Поэт-художник-флейтист принимает – он не может иначе – высшую меру своей судьбы» [5, с. 482]. Полнота поэтического предназначения и неизбежность поэтической судьбы имеют свое выражение на грамматическом уровне.

Анализ использования смыслового потенциала грамматической категории рода в творчестве Мандельштама показывает практически полное отсутствие в его стихах гендерных разнокорневых родовых пар в позиции олицетворения (*дуб – рябина*), гендерных однокорневых родовых пар (*царь – царица, волк – волчица* и под.), типичных для русского поэтического языка. «Свойственная мандельштамовской поэтике противоречивость» [Еськова 2013: 66] проявляется здесь в отказе от традиционно-

го для русской поэзии гендерного соположения как способа сексуализации. Единичные примеры родо-полового соположения в стихотворениях поэта носят резко отрицательный характер:

*А за ними, кораблями,
Буйволицы с буйволами
И священники-быки.*

(О. Мандельштам. «На высоком певале...»).

Еще один пример такого рода соположения в «вымученном» стихотворении «Обороняет сон мою донскую сонь...», где избыточность приема подчеркивает неестественность художественного содержания. Соположение азбучное (в прямом смысле азбучное), накладывающееся на множество других лексико-грамматических соположений в этом тексте:

– Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой...

Индивидуально-авторская родовая пара первого стиха *сон – сонь* выделяет лексические, а не гендерные различия лексем, актуализация которых происходит за счет аттракции с парой *раб – раба*.

Даже онимные парные гендерные соположения в Мандельштамовой поэзии исключительно редки, лишь *Юдифь и Олоферн* («Футбол»), где пара связана в культурном сознании не с темой любви, а с темой предательства и гибели.

Также единично представлены родовые колебания при номинации сверхъестественного или ирреального. Однако такие соположения у Мандельштама необычайно выразительны:

*Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра – только очертанье...*

(О. Мандельштам «Есть женщины, сырой земле родные...»).

Здесь совмещены значения полноты трехродового блока и колебания рода как маркера потустороннего.

Итак, выделение трехродового (полнородового) блока, связанного с мотивом полноты, является регулярным использованием поэтического потенциала категории рода в стихотворениях Осипа Мандельштама. Бинарные гендерные соположения представленными немногочисленными примерами с отрицательной авторской коннотацией. Грамматический мотив колебания рода при номинации ирреального редок и обычно совмещен со значением смысловой и грамматической полноты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэты / Сергей Сергеевич Аверинцев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 364 с.
2. Арутюнова Н.Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык пространств / [отв.ред Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина]. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 368 — 384.
3. Ахматова А. Листки из дневника / Анна Ахматова // О. Мандельштам. Собр. Соч. В четырех томах. Составители: П. Нерлер, А. Никитаев. Т. 1. – Москва: Арт-Бизнес Центр, 1993. – С. 7-28.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике / Лидия Яковлевна Гинзбург. – М.-Л.: Советский писатель, 1964. – 382 с.
5. Глазова М. «Разбойник небесного клира». О поэзии Осипа Мандельштама // Глазова Елена, Глазова Марина. «Подсказано Дантом». О поэтике и поэзии Мандельштама. – К. ДУХ и ЛИТЕРА, 2011. – С. 277-612.
6. Ефремова Ю.И. Моделирование категории пространственности в немецком языке (на материале жанровых разновидностей немецкой сказки): автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 — німецька мова / Ю.И. Ефремова. — Самара, 2008. — 21 с.
7. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким / Александр Васильевич Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1954. – Ч. 1. Морфология – 1954. – 386 с.
8. Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов / Ирина Ильинична Ковтунова. — М.: Азбуковник, 2003. — 206 с.
9. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / Ирина Ильинична Ковтунова. — М.: Наука, 1986. — 206 с.
10. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 824 с.
11. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с. – (Классики отечественной филологии).
12. Панова Л.Г. Поэтическая картина мира Мандельштама: от статистики к семантике /Л.Г. Панова // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – С.535-541.
13. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.